

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ «РУССКОГО МИРА»

Современная картина мира отражает чрезвычайно противоречивую, эклектичную ситуацию регионального и глобального развития – ситуацию совмещения нестационарных процессов, процедур взаимодействия и синхронизации разнонаправленных тенденций. Реанимирование традиций прошлых эпох, одновременная актуализация модерна и архаики, практика инновационной активности и реставрация патрилокальных трендов способствует созданию во многом парадоксального, эмпирического контекста, далекого от стабильности и устойчивости.

В современном мире возникают социальные формы и явления, не имевшие аналогов в прошлом, как не имеет их сегодня мировая экономика, привязанная к эфемерным электронным деньгам, существующим на экранах компьютеров. Особую роль играет глобализация. Мир стремительно меняется и стабильные в прошлом ориентиры, дававшие возможность транслировать опыт предыдущих поколений, утрачивают свои некогда императивные характеристики, подвергаются рестрикции, либо элиминируются, заменяясь новыми, нередко в угоду политической конъюнктуры. Эти явления, бесспорно, действуют в одном и том же направлении, подобно гигантскому катку, равняющему культурное пространство, и потому одинаково враждебны к исторически сложившимся формам аутентичности.

Тенденция к образованию единого культурного пространства оборачивается в условиях информационного общества властью сильнейшего: доминирующая североатлантическая либо европейская модели навязывают остальному миру собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни. Подобного рода явление, однако, небезопасно для страны-реципиента, поскольку осуществляется с целью реализации чужих интересов. Путь развития гражданского общества, однозначно аффилированный с иными,

заимствованными цивилизационными характеристиками, также представляет собой эффект «тройных коней».

Цивилизационные контакты могут принимать и форму жесткого противостояния, что характерно для настоящего времени. На смену рейгановскому ярлыку «империя зла», навешанному некогда на СССР, пришли иные обвинения, экономические и политические санкции. Фактически они используются как инструмент геополитики, применяемый с целью «сдерживания» России. Идеиная, идеологическая борьба ведется с применением самых жестких, нетипичных для межгосударственных отношений приемов. Эта обструкция носит демонстративный, политический характер – что отражает, настолько обострились отношения в результате развязанной против России информационной, точнее – гибридной войны, поскольку она включает не только информационный инструментарий.

Столь жесткие методы противоборства, охватывающего весь спектр, кроме прямого военного столкновения, применяются обычно в войне между антагонистическими системами. Исторический пример подобного противостояния – «холодная война». Но в данном случае война объявлена не формационному противнику, но демократическому, суверенному государству, обладающему собственной системой ценностей, собственной идеологией и традициями, сформированными многовековой историей.

Практически экспансионистский натиск идет на «Русский мир», а само противостояние России и Запада обретает форму столкновения цивилизационных моделей, поскольку англо-саксонский экспансионизм, пронизанный ветхозаветным мессианизмом, воспринимает весь мир как сферу гегемонии Pax Americana. Под сложным, недостаточно четко дефинированным понятием – «Русский мир» – может пониматься как этнокультурная общность, объединенная русским языком, собственной историей, этикой, так и геополитическое образование, или же православная цивилизация. Какова бы ни была его трактовка, Россия как государственная, культурная реальность остается его цивилизационным ядром. Именно на эту

метафизическую, геополитическую реальность, на ее национальную специфику налагаются конъюнктурно-политические аспекты, именно в данном контексте актуализируются проблемы цивилизационного выбора и одновременно национальной безопасности.

Настоящее обладает поразительным свойством «вырастать» из прошлого, аккумулируя в себе многообразие событий, имен, лиц, человеческих судеб. Представляется сомнительным распространенный среди западных социологов постулат, умаляющий прошлое: оно «теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место – как причина нынешней жизни и деятельности приходит нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное».¹ В этой связи зачастую обращаются к «теореме Томаса», которая гласит, что «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям». Действительно, настоящее обладает богатейшими возможностями по формированию вектора будущего развития, тем более сейчас, в эпоху телекоммуникации и Интернета, глобализации и виртуалистики.

Тем не менее, речь не идет о «конце истории». Если возможно вообще строить будущее, влиять на него тем или иным способом, и, разрабатывая «национальные проекты», отвечать на глобальные вызовы, – в любом случае отправной точкой сценария неизменно будет служить опыт прошлого. Определять и конструировать неизвестное будущее или разобраться в «тревожном» характере настоящего будет легче, если предварительно рассмотреть и «смирно принять» (Н. Нарочницкая) уроки прошлого. Будучи поучительными для стран с богатой и длительной историей, они приобретают особое значение в эпоху кардинальных перемен. Именно такова ситуация, сложившаяся в настоящее время.

Принятые в качестве образца для проводившихся в России реформ, западноевропейская, американская модели воспринимались как ориентиры

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция. 2001. С. 175.

общемирового развития – передовой опыт должен был способствовать закреплению достаточно высоких стандартов постиндустриального мира. Он предполагал примат либеральных ценностей, и либеральная парадигма, естественно, также была оценена отечественными реформаторами как наиболее прогрессивная, универсальная. При этом игнорировался скепсис самих зарубежных исследователей в плане перспектив либерализации: так, о крахе либеральной идеи речь шла, например, в книге И. Валлерстайна «После либерализма».

По мысли своих идеологов, только североатлантическая цивилизация смогла продемонстрировать миру магистральную дорогу к процветанию, и потому ее ценности необходимо было усвоить для успешного продвижения по пути «демократии и прогресса». России предлагался вариант так называемой «догоняющей модернизации», при котором преодоление и замена традиционных ценностей выступали как необходимое условие успешного развития. В этом контексте коллективизм однозначно оценивался как принадлежность архаики, признак отсталости и препятствие в развитии; неизменно звучала в либеральных кругах критика в отношении коллективистской психологии с ее «субъектной подчиненностью» и «настроениями социального иждивенчества».

Связи, обязательства, предписания, сопровождавшие человека на протяжении жизни, обязательные к исполнению в традиционном обществе, должны были исчезнуть, знаменуя тем самым обретение новых степеней свободы. Происходит определенная эмансипация, освобождение от регламентирующих установок, диктуемых социальной средой. Увеличение степеней свободы – независимости отдельного лица от государственных, партийных, других общественных институтов, – однозначно оценивается в либеральной среде как положительный эффект. Самосознание субъекта нацеливалось при этом на обустройство материального мира, преобразование окружающей среды, апостасийный поиск земного рая.

Индивидуалистические установки рефлексировала позитивистская философия Г. Спенсера, они концептуализируются фундирующим постулатом: «каждый человек волен делать то, что желает, если не нарушает при этом равную свободу любого другого человека». Этот посыл служит оправданием отхода от традиционалистских ценностей, полагая принципиальную неразличимость добра и зла, добродетели и порока.

В однозначная ориентация на западную модель, принятую в качестве целеполагания для проводимых реформ, не предполагалось учета специфики российского социума. Кроме того, были забыты, а то и просто проигнорированы важнейшие результаты классических социологических, культурологических исследований, рассматривавших вектор западной эволюции как крайне противоречивый.

Гуманизм, интерпретируемый как антропоцентризм, культивирование индивидуализма, борьба за политические свободы как за необходимую предпосылку и условие его генерации, имеют в западном мире длительную историю. Свое хрестоматийное выражение европейские идеи модерна нашли в лозунге Великой французской революции – «свобода, равенство, братство». Ликвидация сословных барьеров, утверждение социальных и политических прав было неизменно связано с фундаментальной ценностью буржуазного мира – собственностью. Именно она закладывает фундамент цивилизации модерна, лежит в основании таких институтов как «гражданское общество», «правовое государство», формирует свободы буржуазного мира. Она же должна, как полагают западные теоретики, способствовать рождению свободной личности – индивида, наделенного как гражданскими правами, так и «абсолютным суверенитетом взглядов и наклонностей человека» (Ф. фон Хайек).

На практике, однако, все более рационализирующийся западный мир в массовом порядке генерирует иную индивидуальность – постиндустриальное общество и массовая культура порождают синдром человека-массы. Человек-масса, «листья травы» (У. Уитмен) становится

актером гражданского общества. Анализ этого феномена, данный Х. Ортегой-и-Гассетом в 1930 г., не потерял своего значения и в XXI в. Более того, провозглашенный в конце XIX в. Г. Лебоном тезис «наступающая эпоха будет эрой масс»² в полной мере осуществляется именно сейчас, когда глобализация и информатизация создали необходимый технический базис для беспрецедентного развертывания массового универсума. В конечном счете он приводит к наступлению эры масс (Г. Лебон) – веку толп (С. Московичи), к их восстанию (Х. Ортега-и-Гассет). Масса обретает свою аутентичную основу в массовых стереотипах и стандартах, в конвейерном производстве и брендовом потреблении, в макдональдизации образования, здравоохранения, культуры .

. Культура, как и «мягкая сила», носит накопительный, кумулятивный характер (М. Мид). Одной из важнейших является ее апотропейная функция, всегда обеспечивающая ментальную, психологическую защиту для своего социума. Ее обеспечивала уже архаика первобытного ритуала: участвуя в нем, «первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед не поддающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие, реализованное церемониями, - вот в чем его спасение...»³

В целостности, органике национальной культуры всегда содержится определенный потенциал партиципации – сопричастности с духовной, материальной силой, с энергетическим резервом, подпитывающим всех субъектов, принадлежащих к данному универсуму. Апотропейность культурного пространства заключена в его аутентичности, поскольку знакомая, привычная среда психологически воспринимается в качестве наиболее комфортной, родной.

² Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет. 1995. С. 154.

³ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс. 1999. С. 467.

В России культурные паттерны транслируют выдержанный, спокойный традиционализм, дающий определенный фокус восприятия действительности. Это коллективизм, онтологизируемый как важнейший цивилизационный принцип. В коммьюнитарном обществе перспективы выживания были исторически определены максимально тесными социальными связями. Они обеспечивали не только взаимодействие, но и взаимовыручку, эффективное функционирование всевозможных сообществ, от общины до государства. Последние различались по своим формам и масштабам, по жесткости регулирования, но неизменно обладали развитой апотропейной функцией, функцией защиты, которая закрепились в ментальном стереотипе в качестве коллективистской установки.

Они являются традиционными, «родовыми», исторически наследуемыми качествами, сохранявшимися при всех эпохальных катаклизмах. Дважды на протяжении прошедшего столетия был преобразован идентификационный комплекс, государство разрушалось и воссоздавалось заново. Однако ценности, определившие лицо русской культуры, оставались неизменными, обеспечивая жизнестойкость и уникальность «русского мира». Именно этим, а также – мощью исторического основания, полиэтничностью генофонда можно объяснить феноменальные способности к возрождению. В этом плане Россия обладает уникальным наследием, неким алгоритмом, опытом культурного диалога, который может быть задействован в решении национальных проблем.

Аспекты, что определили лицо русской культуры, противопоставившей западному модерну иные ценности, не входящие в круг всеобъемлющего антропологизма и фетишизированной рациональности. Они основаны на архетипе сопричастности общему делу, соборности, формализованному структурой государства. Патриарх британской историографии А. Дж. Тойнби относил Россию к типу «универсальных государств». Апология державности, сакрализация власти, пиетет к величию и мощи империи, приоритет государственного интереса, – все эти аспекты объемлет понятие

«государственник», ставшее секулярной характеристикой национального менталитета.

Поэтому речь не может идти о выравниванию и унификации социокультурных характеристик цивилизаций с различными архетипическими основаниями, переход к индустриальной и постиндустриальной стадии развития в коммьюнитарном обществе неизбежно будет обладать определенной спецификой. Заимствование тех или иных моделей должно быть соотнесено с культурными доминантами, их применение не может быть механистическим, и здесь эффективность культурологических исследований, анализ культурных «аксиом» едва ли можно переоценить.